

Наталья Доманчук

сериал

ОЧЕНЬ ГЛУПАЯ ЖЕНА

Наталия Доманчук

Очень глупая жена

<https://litres.ru/74628997>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Только не пугайся, — предупреждает Мирон. — Моя девушка — блондинка. Красивая, но глупая как пробка.

— Не буду, — усмехаюсь. — Я после развода других и не держу. Только глупых и послушных.

Знал бы я, что через десять минут к столу подойдёт моя бывшая жена, развод с которой стоил мне невероятных сумм. Только сейчас она зачем-то строит из себя глупую блондинку, хлопает ресницами и спрашивает, почему Луну видно днём.

Лёгкий, искромётный роман о бывшем муже, его «очень глупой» жене и о том, что хуже всего на свете — влюбиться в женщину, которую ты однажды предал.

Содержание

Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Наталия Доманчук

Очень глупая жена

Глава 1

Артем

Никогда не женитесь на очень умных женщинах.

Если бы кто-нибудь сказал мне это лет пять назад, я бы, скорее всего, рассмеялся ему в лицо, потому что тогда у меня была жена, которая умела спорить с налоговым консультантом, читала договоры быстрее, чем я успевал открыть первую страницу, и могла одним взглядом дать понять человеку, что он облажался. Тогда мне казалось, что быть женатым на умной женщине — это выигрыш в лотерею. С ней не нужно объяснять очевидное, подбирать слова и тащить на себе разговор, быт, планы, решения и всю эту взрослую жизнь, которую мужчины обычно называют свободой ровно до тех пор, пока не понимают, сколько в ней счетов, обязательств и людей, которым от тебя что-то да надо.

Но потом я изменил своей жене. Да, вот этой умной и красивой жене я изменил. Конечно, на все в жизни есть объяснение. Но если честно, на именно этот поступок у меня его нет и никогда не было. Я не перестал любить жену, не влюбился в другую, да и дома меня понимали, ценили и даже иногда, о боже мой, ждали с ужином у двери в кружевном халате. Я изменил просто потому, что в какой-то вечер ока-

зался идиотом со слегка избыточным количеством алкоголя в крови и ощущением собственной неуязвимости, которое в тот момент ничем не смог перебить. Если коротко, я совершил самую дешевую ошибку в своей жизни, которая потом обошлась мне так дорого, что я до сих пор предпочитаю не вспоминать точную сумму, что поставил под документами о разводе.

Со дня развода прошло три года. Я жив, здоров и очень существенно поправил свое благосостояние. Сегодня вот подписываю слияние двух огромных компаний.

- Сделку века принято обмывать, — прямо под мои мысли вещает Мирон.

Я этого ритуала не понимаю, но соблюдаю — как и прочие обряды, придуманные людьми, которым, очевидно, часто нечего было делать.

Мирон ставит подпись под договором о слиянии с размахом. Он вообще всё делает основательно. Я подписываю ровно в отведённой графе, не выходя за поля. По одним нашим автографам аналитик средней руки составил бы исчерпывающий портрет каждого, и мне это даже приятно: я люблю, когда человек сам, бесплатно и сразу сообщает о себе всё необходимое.

— Три ярда, Артём! — Мирон откидывается, и кресло отзывается характерным скрипом кожи. — Ты соображаешь, что мы натворили? Мы взяли рынок за горло и вежливо попросили не дёргаться. Вечером отмечаем, я тебе говорю, и

даже не пытайся придумать отмазку. — Мирон уже листает что-то в телефоне. — Закажу стол в большом зале, и надо позвать на сие великое событие прекрасных дам. Я как раз тебя со своей познакомлю.

Я поднимаю бровь.

— У тебя появилась своя?

— Да, уже месяц встречаемся, — он хмыкает. — Месяц, и что-то мне подсказывает, что я скоро женюсь.

— Ничего себе! — отзываюсь я. — Интересно, что же это за дамочка.

Мирон понижает голос до доверительного баса:

— Она красивая до неприличия, но я тебе все же признаюсь: глупенькая, как пробка. Но она такая, знаешь... легкая. Живая. У нее в голове не совещание совета директоров, не стратегия на пять лет и не список претензий к мужчине, который неправильно поставил бокал на стол. Она может спросить такую чушь, что у меня через секунду исчезает вся усталость. Просто хочется хохотать.

— Например?

Мирон задумывается, и по тому, как у него дергается уголок рта, я понимаю, что примеров у него много, причем часть из них он уже успел бережно сложить в какой-то внутренний альбом.

— На прошлой неделе она спросила, почему в високосном году лишний день именно в феврале, если май гораздо красивее.

Я не могу сдержать улыбку:

— И что ты ответил?

— Что этот вопрос нужно срочно вынести на рассмотрение правительства.

— Правильный ответ!

- И, вот веришь — впервые в жизни мне настолько спокойно. Так что прошу не пугаться и отнестись к моему выбору с пониманием.

— Да ладно тебе, — успокаиваю его. — У меня то же самое, только без планов на ЗАГС. После развода других не держу: глупые, послушные, благодарные. Меньше споров — больше тишины.

Конечно, ведь развод обошёлся мне в сумму, которую я с тех пор особенно не упоминаю, округляю до «много» — исключительно ради стабильности пищеварения, но, кажется, об этом я уже говорил. В общем, подробности предпочитаю не ворошить: есть папки, которые открываешь однажды, а потом всю жизнь стараешься даже не вспоминать, на какой они полке. Вывод я сделал быстро, как и положено человеку, зарабатывающему на чужих выводах: умная женщина рядом — это незакрытый риск, а риск, который не закрыт, рано или поздно предъявляет счёт. С тех пор я подбираю спутниц по тому же принципу, что и активы. Чем меньше у объекта собственных идей, тем предсказуемее поведение и крепче сон инвестора.

К семи вечера у меня встаёт единственный по-настояще-

му серьёзный вопрос дня, куда серьёзнее любого пункта подписанного договора: кого из двух кандидаток вывести в свет.

Алиса — это качество. Алиса умеет поддержать беседу, никогда не перепутает шабли с шардоне, в курсе, что слово «квинтэссенция» не имеет никакого отношения к косметике, и, главное, что важно — знает, когда замолчать, а вот это среди красивых женщин встречается реже, чем добросовестность в среде подрядчиков. Рядом с Алисой я выгляжу мужчиной со вкусом. Беда одна, но в нашем городе она из мелкой делается фатальной: те, кто пользуются элитным эскортом, знают Алису. И если за столом окажется хотя бы одна пара лишних ушей с хорошей памятью, мой триумф превратится в анекдот, который будут пересказывать весь квартал.

Вариант два. Ариадна — это покой. Ариадна не знает ничего, и в этом её единственный, зато безупречный актив. За месяц знакомства она не задала мне ни одного вопроса, на который я не сумел бы ответить «потом объясню, солнышко». Причём такой ответ её всегда полностью устраивал. Её невозможно скомпрометировать, потому что компрометировать нечего: чистый, ничем не отягощённый ноль, к которому удобно прислониться после рабочего дня. Ноль не интригует, не пересчитывает в уме мои активы и не улыбается так, будто знает про меня то, чего не знаю я сам.

Ну что ж, вот и ответ. Набираю Ариадну.

— Солнышко, в восемь едем ужинать. Надень что-нибудь сдержанное.

— Сдержанное — это какой цвет? — уточняет она после паузы, в которой почти слышно, как мысль бродит по комнате в поисках, за что бы зацепиться.

— Любой, кроме того, что светится в темноте.

— А Боню братъ?

Боня — это собака. Точнее, существо, которое, скорее, хочется назвать недоразумением, чем псом, с бантом на макушке и характером, которого хватило бы на конвой ротвейлеров.

— Бери, — сдаюсь я, потому что спорить с Ариадной про Боню так же продуктивно, как объяснять кассе самообслуживания, что она не права. — Пусть будет полный комплект.

Вот за это я, если разобраться, и плачу. Не за платье и не за Боню — за то, что весь мой вечер укладывается в три реплики и не оставляет послевкусия. Умную пришлось бы развлекать, улаживать её интеллект, держать собственное лицо под наблюдением. С Ариадной я могу думать о делах вслух, а она будет кивать, не вникая в смысл, но создавая ровный, приятный фон всеобщего согласия.

К ресторану подъезжаю ровно к восьми, потому что опаздывают только те, кому нечего терять. Стол накрыт длинный, персон на двенадцать. Во главе уже гудит Мирон, обнимая каждого входящего так, будто лично вытаскивает его из проруби. Семёнов с супругой, Гольдин, ещё какие-то нужные лица, чьи фамилии я буду помнить ровно до конца квартала. Здороваяюсь со всеми, представляю свою спутницу. Ари-

адна устраивается на мягком диванчике, Боня немедленно открывает собственное расследование на тему скатерти.

Я опускаюсь рядом и впервые за день позволяю себе выдохнуть. Всё под контролем. Сделка закрыта, риски просчитаны, рядом — безопасный ноль с бантом, напротив — Мирон, который, наконец, понял про женщин ровно то же, что три года назад понял я. Два взрослых мужчины, переставших искать в спутницах собеседника. Мы это заслужили. Мы за это, в конце концов, заплатили.

— А вот и моя! — Мирон вылетает из-за стола, чтобы встретить ее.

Я оборачиваюсь к дверям из чистой вежливости.

К столу плывёт блондинка такой неприличной красоты, что половина зала забывает про закуски и политес и просто пялится. На сгибе локтя у неё дремлет крошечная собачонка, а ресницы красавицы трудятся в режиме, который я называл бы избыточным даже для рекламы туши. Идеальный, безопасный, ничего не значащий ноль — точь-в-точь по описанию.

Но за полшага до того, как мой натренированный на чужих просчётах рассудок успевает записать все на подкорку, женщина поднимает глаза, и я понимаю, что глупая, как пробка, блондинка Мирона — женщина, на которой я имел храбрость жениться пять лет назад.

Глава 2

Олеся

Мужчины любят дурочек. Это не обида и не запоздалое открытие уязвлённой женщины — это, как оказалось, непреложный закон природы, такой же будничный, как сила тяжести, и точно так же он прекрасно обходится без моего одобрения. Я потратила половину сознательной жизни, доказывая, что я-то — из этого закона исключение, и ровно поэтому теперь имею полное право рассуждать о нём со знанием дела.

Раньше я была умной. Не в том милом смысле, в каком умной зовёт себя каждая вторая, осилившая две книжки по психологии и одну по нумерологии, а по-настоящему, с красным дипломом, да не одним. Папа у меня академик, человек старой закалки и железной формулировки:

– Женщина должна быть умной, а не красивой, потому что красота — это свободный рынок, а ум — это капитал.

Он повторял это так часто, что я выучила фразу раньше таблицы умножения и долго принимала её за народную мудрость, а не за личное проклятие, своего рода клеймо, которое он бережно передал мне в наследство.

Красоту, к слову, я взяла от мамы. Мама — абсолютная, без единой примеси каноничная блондинка, женщина, которая искренне не понимала, зачем папе столько слов, если всё и так ясно по интонации. Папа считал её прелестной катастрофой и тридцать лет страдальчески закатывал глаза. А я только взрослой заметила одну неудобную деталь: из них

двоих счастливее почему-то всегда была мама.

Вот на этой детали, если честно, всё и закончилось — точнее, началось.

Замуж я вышла по любви, как и положено отличнице, которая в любви разбирается куда хуже, чем в учебниках и чём бы то ни было ещё. Муж достался под стать диплому: умный, успешный, из тех, с кем не стыдно молчать на приеме. А потом в один прекрасный вечер он мне изменил. Нет, он не влюбился в другую, он просто тупо изменил, потому что посчитал, что может себе это позволить. Ну или случайно. Вот иногда люди роняют телефон в унитаз: случайно ведь, они же не хотели, просто так случилось. Вот и у Артема измена вышла случайно. И именно так же я и узнала о ней.

Ну а поступила я, конечно, как умная женщина - оттяпала у него все по максимуму. И если честно, то я до сих пор тихо горжусь тем, во сколько обошлась ему эта пьяная арифметика. Я забрала всё, что можно было забрать, и ещё немного сверху — спасибо адвокату Глебу Бородину, который смотрел на меня так, будто я единственное доказательство существования высшего разума.

Три года после развода я была умной, гордой женщиной с прекрасным капиталом, и при этом абсолютно несчастной. А потом в какой-то момент вдруг посмотрела в зеркало, как в фоторамку, вспомнила маму в её кружевном неведении — и приняла единственное по-настоящему гениальное решение в своей жизни.

Закончила этот период разума. Я просто перестала быть умной — по крайней мере, вслух.

Оказалось, это восхитительно. Стоит похлопать ресницами и спросить что-нибудь вроде «А почему луну иногда видно днём? Ей же вроде положено работать в ночную смену», как мужчина расцветает, теплеет и начинает чувствовать себя умнее, добрее и нужнее — то есть ровно так, как ему всю жизнь хотелось себя чувствовать рядом с женщиной, и чего я, дура, старательно ему не давала. Быть красивой и глупой оказалось намного проще, чем красивой и умной. И, главное, спокойнее: глупую не подозревают, глупой не боятся, глупой ничего не предъявляют. Глупую просто любят. И окружают такой же красотой с баснословными ценниками.

Единственное, что я не сумела в себе выключить, — это любовь к зверушкам. На деньги бывшего мужа я открыла ветеринарную клинику, потому что второе образование, в отличие от первого, получала уже для себя, а не для папиной почетной рамочки на стене. Записать клинику пришлось на Киру — мою лучшую подругу и единственного человека, который без всяких пояснений видит меня насквозь и тихо улыбается при этом. Папа не должен узнать, что я спустила «капитал» на собак: для него лечить животных — это примерно как академику пойти подрабатывать аниматором.

Так что для папы в собственной клинике я — ассистентка. Подаю инструменты, мило путаюсь в латыни и страшно горжусь, когда «настоящие врачи» меня хвалят.

Кира от этой конструкции стонет.

— Олесь, — сказала она вчера, наблюдая, как я на голубом глазу объясняла отцу по телефону, что таксы — «это такие собаки-сосиски, их специально вывели, чтобы помещались в длинную сумочку». — Прекрати изображать идиотку. Я сейчас сама тебе поверю.

— В этом и весь смысл, — успокоила я её.

А месяц назад в эту самую клинику явился Мирон — приенокота размером с небольшую рысь и собственное сердце нараспашку, обоим без поводка. Мирон хороший, добрый, и ему, кажется, очень нравится, что он встречается с «глупенькой». Мне иногда не хватает совести его разочаровывать. Он не требует, чтобы я была умной. Он, кажется, вообще ничего от меня не требует, кроме как быть рядом и время от времени спрашивать милую чепуху. После трех лет с мужчиной, при котором нельзя было ошибиться даже в ударе, это похоже на райский отпуск, который не кончается.

Сегодня у Мирона великий день — он подписал какую-то сделку с девятью нулями, от которых у него дрожат ноздри, и теперь его водитель везёт меня ужинать и знакомить со своими деловыми партнёрами.

— Только не переживай, — Мирон мило щебечет мне в телефон. — Просто будь собой, солнышко, и всё будет прекрасно.

«Будь собой», — повторяю я про себя и едва не фыркаю: знал бы Мирон, какой роскошный простор открывает мне

эта невинная формулировка.

В зал я врываюсь ровно так, как умею: ресницы на максимуме, Мася на локте, на лице — приветливая пустота, отрепетированная до состояния искусства. Мирон сияет, встает из-за стола, длинного, как взлётная полоса, и идет мне навстречу. Я уже настроила улыбку на нужный градус, уже приготовила первый безобидный вопрос — про то, почему шампанское пузырится, а вода нет, как партнёр Мирона оборачивается, и за одну секунду вся моя тщательно выстроенная глупость осыпается с меня, словно штукатурка с потолка.

Человек, которым мой Мирон так восхищается — мой бывший муж. Мужчина, который слишком хорошо знает, что именно спрятано под моими ресницами и в моей милой блондинистой головушке.

Глава 3

Артем

Первое впечатление нельзя произвести дважды? Неверное утверждение, в корне неверное!

Умение держать лицо — моя главная компетенция. Оно дороже любого диплома, надёжнее любого актива и не дешевеет даже в кризис: пока остальные теряют голову, выигрывает тот, кто первым придет в себя. Меня же за годы переговоров не сумел застать врасплох никто — ни партнёры, ни кредиторы, ни даже бывшая жена, которая, надо отдать ей должное, очень старалась.

Поэтому, когда блондинка Мирона поднимает на меня глаза и оказывается Олесей, я делаю единственное, что умею по-настоящему хорошо - улыбаюсь и отвожу глаза, будто бывшие жёны регулярно приходят на корпоративные ужины с моими партнёрами.

— Знакомьтесь, это моя Олеся, — гремит Мирон на весь зал.

Стол сегодня представительный. Справа Семёнов, который начинает смеяться раньше, чем рассказчик успевает придумать шутку, и его жена — женщина с выражением лица человека, который способен по одному маникюру определить, сколько лет браку и есть ли любовница. Слева Голь-

дин - он умеет произнести тост даже по поводу налоговой проверки.

Обычно я читаю такой стол за минуту. Кто и что скажет – и как мне среди этого себя подать. Сегодня вся аналитика закончилась на одной женщине.

Мирон сияет.

— Олеся, это Артем. Мы вместе подписали сделку.

Она протягивает мне руку, будто это действительно наше первое знакомство.

— Очень приятно, – щебечет бывшая жена. – А вы тоже подписали эту... как её... слияемость?

Я бы мог улыбнуться, если бы не был так зол.

— Подписал, — подтверждаю я. — Без слияемости в наше время никуда.

— Ой, как интересно, — продолжает она совершенно серьёзно, совершая три взмаха ресницами. — Я вообще сначала думала, что слияемость компаний — это когда два офиса переезжают в один. Представляете, сколько коробок?

— Ох, Олеся! — смеётся Мирон.

— Да! – поддерживает бывшую жену моя нынешняя спутница. — Я тоже так думала.

— Век живи, век переезжай, – выдыхает она и теряет ко мне всякий интерес с грацией кошки, отвернувшейся от пустой миски.

Я знаю эту игру, но только не с ней в главной роли. Настоящая Олеся не задаёт глупых вопросов — она задаёт неудоб-

ные. То создание, что сидит сейчас напротив и нежно уточняет у официанта, «бывает ли вода без газа, но с пузырьками», — это не моя бывшая жена. Это ее игра, и играет она на уровне, до которого мне в любых переговорных далеко.

Я не знал, что она так умеет.

Гольдин поднимает бокал.

— За честность! Она сейчас в дефиците.

— И за вас, настоящих мужчин, — добавляет Олеся.

Все хлопают, а я молчу. Я в таком шоке, что и близко не представляю, что дальше делать. Женщина, которая когда-то объясняла моему финансовому директору разницу между денежным потоком и его фантазиями, сейчас говорит про сливаемость и пузырьки.

Судя по реакции окружающих, подвоха не чувствует никто, играет она поистине блестяще.

Ладно. Посмотрим.

— А вы случайно в школе не выигрывали городскую олимпиаду по математике? – нагло интересуюсь я. – Лицо уж очень знакомое.

Ход хороший: любой нормальный человек на такой вопрос сделает паузу, но не Олеся.

— Ой, ну что вы, – она округляет глаза до состояния полной невинности и два раза хлопает ресницами. — Какая математика? Я слово лагорифма не сразу выучила. Зато я очень хорошо чувствую людей!

И тут она впервые за вечер вскидывает на меня глаза по-

настоящему — на четверть секунды, не дольше, ровно тем взглядом, которым когда-то проверяла мою отчётность. Острым, точным, всё про меня знающим. А потом гасит его обратно в кукольную пустоту так стремительно, что я почти готов поверить, будто мне померещилось.

Нет, не померещилось. Она сообщила мне, что прекрасно чувствует людей. И что меня, в частности, видит буквально насквозь. Этот раунд за ней.

— А мне тоже кажется, что мы с вами где-то встречались, — вступает вдруг жена Семёнова, наклоняясь к Олесе с любопытством хищной птицы. — Правда, лицо у вас удивительно знакомое.

Если кто за этим столом и помнит историю моего развода в подробностях, то именно эта дама, для которой чужие драмы — основной рацион.

— Мне все так говорят! — счастливо соглашается Олеся. — Наверное, оно у меня типическое. Маша, не ешь салфетку!

И угроза растворяется в шалостях собачки так же ловко, как шипучая таблетка в чистой воде.

А дальше происходит то, чего я не закладывал ни в один сценарий вечера. Моя Ариадна — безопасная, безупречно пустая Ариадна, которую я взял именно за то, что она не способна образовать ни с кем ничего сложнее очереди в гардероб, — влюбляется в Олесю с первого слова. Поводом служит её Боня, которую Маша немедленно признаёт за свою. Маша — это же имя? Надеюсь. Или не надеюсь. Я уже ничего

не знаю...

— У вашей бантик! У моей тоже бантик! — ахает Ариадна так, будто открыла новый закон природы.

— Это судьба, — серьёзно кивает Олеся. — Они теперь подружки. Значит, и мы обязаны.

Через десять минут две блондинки уже шепчутся, хихикают и показывают друг другу что-то в телефонах, а Боня с Масей делят какие-то вкусные кусочки в знак нерушимого союза. Ариадна, не сложившая за месяц со мной ни одной фразы длиннее наименования в меню, оживает на глазах. Олеся за пять минут берёт мою спутницу в мягкий, тёплый, абсолютно естественный плен — и при этом ни секунды не выглядит так, будто что-то задумала.

В этом и кошмар. Я не могу понять, доброта это или стратегия. Раньше я всегда мог.

Стол гудит, Мирон сияет, Гольдин поднимает третий тост за синергию, а я сижу в центре собственного триумфального вечера в полном шоке.

Я ведь привык, что любой стол — это таблица, где у каждого своя предсказуемая графа. Сегодня таблица не сходится. Моя пустая, безопасная спутница хохочет чужим шуткам, моя бывшая жена играет дурочку лучше, чем кто-либо в этом зале играет умника, а я — человек, зарабатывающий на чужих просчётах, — за весь вечер не поймал ни одной её ошибки и не сделал ни одного верного хода.

И только когда Олеся, прощаясь, легко касается плеча мо-

ей Ариадны и роняет ей «звони, позавтракаем на Патриках», я, наконец, понимаю, что сломался.

Если женщина, которую ты когда-то любил, однажды решит стать совершенно другим человеком, то первое впечатление возможно и даже нужно произвести дважды.

Глава 4

Олеся

Самое сложное в хорошей лжи — не просто придумать её, а не начать получать от неё удовольствие.

Главное, что осталось у меня после развода, — не капитал, на который я купила клинику, а ровное, ледяное, фабричного качества равнодушие. Не показное, не выстраданное, а настоящее, морозостойкое, которое не берёт ни бывший муж, ни его успехи, ни даже его внезапное появление в радиусе моей новой, перенёсшей капитальную перестройку жизни.

Я три года инвестировала в этот душевный термостат и была абсолютно уверена в его качестве.

Поэтому, когда Мирон поднимается мне навстречу, а его деловой партнёр оказывается Артёмом, я делаю ровно то, что и должна женщина с непробиваемым равнодушием - ору! Но внутренне! Снаружи, разумеется, ничего не слышно. Снаружи — хлопающие ресницы, ямочки и кукольная радость встречи с прекрасным миром. А внутри маленькая Олеся бежит по черепной коробке кругами и опрокидывает мебель: это он, это он, это он! Тот, что когда-то якобы слу-

чайно изменил, и из-за которого я три года назад превратилась в женщину с прекрасным капиталом и безнадёжно испорченным характером.

Я рассматриваю лицо бывшего мужа и неожиданно понимаю, что три года терапии, самокопания и разговоров с Кирой всё-таки не прошли зря. Потому что человек, который сидит сейчас на диване, выглядит значительно хуже меня. Не внешне. Внешне, к сожалению, природа продолжала ему откровенно подыгрывать.

Но вот выражение лица... Если бы шок можно было производить в материальном виде и продавать по килограммам, Артём к концу вечера стал бы миллиардером.

«Спокойно, Олеся», — говорю я себе. «Ты теперь дурочка, а дурочки не падают в обморок, не убегают и не устраивают сцен. Они просто не догоняют».

За те две секунды, что Мирон нас представляет, я успеваю провести совещание совета директоров своего мозгового центра в полном составе и принять единогласное решение.

Я буду продолжать. Заседание продолжается, господа присяжные заседатели, как говорил мой любимый литературный герой.

Во-первых, мне нравится Мирон. По-настоящему и без подвоха: Он добрый, надёжный, и рядом с ним я ощущаю себя не женщиной, а внеплановой премией. Он ни разу за месяц не заставил меня чувствовать себя виноватой за то,

что я дышу. Я не собираюсь отказываться от хорошего мужчины из-за того, что в одном метре с ним случайно завёлся плохой. Мало ли что было в прошлом. Может, когда-нибудь я ему всё и расскажу — за завтраком, лет через десять, когда это станет анекдотом, а не действующим минным полем. Но точно не сегодня.

Во-вторых, играть дурочку мне попросту легче. Это мой санаторий, мой розовый халат, в котором так уютно не быть гением для целого зала обалдевших от собственной значимости мужчин.

А в-третьих... в-третьих есть соображение, которое я предпочитаю додумывать только в темноте и под одеялом. За три года безупречной игры в дурочку я местами, кажется, перестала даже играть. Где заканчивается роль и начинаюсь поглупевшая от развода я — вопрос, на который у меня больше нет честного ответа. Может, я и не притворяюсь. Может, развод, словно огромная хищная черная дыра, просто отъел ту часть мозга, которой я раньше так гордилась, и теперь я искренне не помню, в феврале лишний день високосного года или в каком-то другом обиженном месяце.

Ладно. Это мы обдумаем потом.

А сейчас передо мной задачка поинтереснее: у бывшего мужа лицо человека, который только что застукал собственного аудитора танцующим на барной стойке. Конечно, он узнал меня и он единственный в этом зале помнит, что за этим пустым взором на самом деле два диплома и стойкая

личная к нему неприязнь.

И вот тут во мне просыпается то, чего приличной женщине в принципе испытывать не положено. Азарт. Судя по лицу Артёма, он уже мысленно проверяет, не ударялась ли я головой после развода. Идеально! Пусть проверяет. Мне даже стало интересно, сколько времени понадобится бывшему мужу, чтобы выбрать один из двух вариантов.

Первый — я действительно поглупела.

Второй — я над ним издеваюсь.

Третьего варианта я ему оставлять не собираюсь.

Потому что третьим вариантом будет правда. А правда заключается в том, что последние три года я с удивлением выясняла одну неприятную вещь.

Мужчинам действительно нравятся женщины, рядом с которыми можно почувствовать себя самым умным человеком в комнате. Даже если комната — ресторан, даже если женщина прекрасно знает, сколько будет семью восемь и даже если у неё два диплома и собственная ветеринарная клиника, в которой она сегодня утром лично зашивала лабрадора после очень неудачного знакомства с соседским забором.

Мужчины не влюбляются в чужой интеллект. Они влюбляются в собственные ощущения рядом с женщиной. И если рядом с тобой мужчина расправляет плечи, чаще смеётся и перестаёт бояться выглядеть смешным, ему совершенно всё равно, читала ты Канта или только ценники в супермаркете.

До развода я этого не понимала. После развода сделала

карьеру на этом открытии.

Ну что, Артемчик, начнем?

— А вы тоже подписали эту... как её... — я честно морщу лоб, изображая мучительную работу мысли, — слияемость?

Господи... Как же трудно не рассмеяться. Артём смотрит на меня так внимательно, словно ищет трещину в стене. Но нет! Он ищет настоящую Олесю. Не найдёт. Пока не найдёт.

— Я вообще думала, что слияемость компаний — это когда два офиса переезжают в один...

Мирон смеётся. Все смеются. Кроме Артёма. Он никогда не умел смеяться, когда чего-то не понимал. Это в нём, как видно, не меняется.

Дальше он пытается меня подловить — делает заходы то про школьную олимпиаду, то про математику, расставляет капканы с упорством мужчины, привыкшего, что его западни срабатывают. Беда в том, что рассчитаны они на умную Олесю, а перед ним сидит новая и лепечет такую безмятежную чушь, что он начинает потеть. Мне даже почти его жалко. Нет, вру! Нисколько!

А потом я знакомлюсь с его спутницей — и происходит то, чего я совсем не планировала. Девушка мне нравится.

Зовут её Ариадна, на руках собачка с бантиком, в глазах — ни одной задней мысли, что в наше время большая редкость, чем честный политик. Я ведь ждала очередную прошаренную стервочку из тех, кто считает чужие активы быстрее банковского приложения. А тут — настоящая, тёплая,

чуть рассеянная девочка, которая искренне радуется, что у наших собак одинаковые бантики, и всерьёз считает это знаком судьбы.

Да, она глупенькая. Ну и что? Глупенькая — это не диагноз и не приговор. Во-первых, это поправимо, а во-вторых, в Ариадне зато совсем нет яда. В ней просто отсутствует высокомерие, не приживаются попытки доказать, что она тут самая-самая или отметки вечного женского рейтинга «кто кого». Она просто хорошая. А хорошие, как я недавно выяснила на собственной шкуре, живут куда веселее умных.

Через десять минут мы уже хихикаем над фотографиями наших собак, и я ловлю себя на мысли, что Артёму повезло куда больше, чем он заслуживает: эта девочка не будет проверять его отчётность по ночам и не заберёт половину его состояния. Эта будет любить его просто так, бантиками наружу. И поделом ему — пусть теперь живёт ровно с тем, о чём так мечтал.

Вечер катится к десерту, всё под контролем, моё фирменное равнодушие держит мороз, и я выхожу из ресторана абсолютной победительницей: бывший повержен, Мирон счастлив, а я уже зову новую подружку на завтрак на Патрики.

В машине, пристёгиваясь, я с глубоким удовлетворением думаю, что совершенно ничего к этому человеку не чувствую. Доказательством служит то, что я уже точно знаю, в каком платье приду в следующий раз и какой именно безмя-

тежной глупостью доведу его до второй уроненной вилки.

И вот на этой мысли моё прекрасное, ледяное, фабричного качества равнодушие даёт первую трещину — потому что женщине, которой действительно всё равно, не приходится в голову планировать следующий раунд с такой нежной и мстительной тщательностью.

Глава 5

Артём

Ревнуют только тех, кого боятся потерять. Всё остальное мужчины называют испорченным настроением.

Бывшую жену невозможно ревновать. Это не философия и не бравада — это бухгалтерия. Бывшая жена — это вообще закрытая сделка, списанный актив, графа, в которой давно стоит аккуратный прочерк. Ревновать к ней так же бессмысленно, как переживать за компанию, которую ты продал три года назад: да, иногда видишь её логотип на чужом здании, да, на секунду делается странно, но в отчётности она у тебя больше не числится, и это, поверьте, огромное облегчение.

Я повторяю это себе с той самой минуты, как вышел из ресторана. Повторяю в машине, дома, утром — разглядывая собственное лицо в зеркале с подозрением следователя. Что это за морщинка, что за хмурая складка? Почему такой взгляд?

Потому что объяснить вчерашнее иначе как аномалией я

не могу, а аномалии обязан разбирать: это моя работа.

Женщина, которая когда-то выверяла мою отчётность с тем же спокойствием, с каким правила всей моей жизнью, вчера три часа кряду спрашивала про «слияемость» и пузырики в воде — и наш стол это съел, не поморщившись. Я двадцать лет учился читать людей. Вчера не сумел прочитав одного-единственного — и почему-то именно этот провал не даёт мне спать.

Я даже пробую поступить, как поступаю со всякой неприятностью: оценить её как риск, занести в табличку, захеджировать. Но риск не заносится. Графа «бывшая жена в розовом» упорно не желает закрываться нулём.

Ариадна, к слову, звонила утром — звала на бранч и спрашивала, какого цвета бывает грусть. Раньше я бы умилился. Сегодня её безупречная пустота впервые отозвалась во мне именно пустотой, и винить в этом некого, кроме женщины, которая весь вечер делала вид, что еще глупее.

Подхожу к окну и смотрю на утренний город. На подоконнике стоит ваза с фруктами. Беру апельсин, кручу в руках. На выходных Ариадна гостила у меня и перед уходом зачем-то переставила эту вазу со стола на подоконник, потому что, как выяснилось, бананы "любят солнце". Спорить с этой теорией я не стал. За последний месяц я вообще перестал спорить с Ариадной. Это примерно так же бессмысленно, как доказывать щенку, что собственный хвост не пытается на него напасть. Допустим, он перестанет его ловить, и

что же? Только станет менее милым.

Снова смотрю на город и неожиданно понимаю, что совсем не думаю о сделке. На кону три миллиарда, полгода переговоров, контракт, который ещё вчера казался главным событием года. И всё это вчера проиграло одной женщине, спросившей про... слияемость.

Невероятно!

Иду на кухню, открываю холодильник, достаю бутылку воды, делаю глоток и вдруг начинаю смеяться. Не над Олесей, а над собой.

Потому что только полный идиот может три года убеждать себя, что бывшая жена осталась в прошлом, а потом сорок минут пытаться поймать её на воспоминаниях школьной олимпиаде.

Поздравляю, Артём! Иди скорее на работу, а то голова опухнет от мыслей!

В офисе действительно полегче, пока в переговорную не врывается без стука Мирон - он вообще не признаёт дверей как явления. Партнер плюхается в кресло, как будто выиграл в лотерею и ещё не решил, кому первому сообщить.

— Артём. Мне надо с кем-то поделиться, а ты единственный, кому я могу довериться.

Если бы он только знал.

— Делись, — разрешаю я и подписываю что-то, во что впервые за пятнадцать лет даже не вчитываюсь.

— Как тебе моя Олеся?

Моя. Почему-то именно это слово неприятно царапает слух.

— Хорошая девушка.

— Правда?

— Правда, – подтверждаю я.

— Смешная, да?

Я молчу.

— Она потрясающая, – продолжает Мирон. – Представляешь, сегодня утром звонит мне и совершенно серьёзно спрашивает, почему у ветеринаров пациенты не жалуются на врачей.

Я закрываю глаза. Конечно. Она снова это делает.

— И что ты ответил?

— Что они жалуются. Просто мы не понимаем их язык, – Мирон хохочет и продолжает: – Она сказала: какое, наверное, счастье. Люди тоже иногда могли бы помолчать.

Мирон снова смеётся, а я неожиданно понимаю, что эта фраза выдаёт её настоящую, такое не сказала бы дуручка. Неужели он не понимает этого?

— Слушай... — голос Мирона становится неожиданно серьёзным. — Я, кажется, впервые в жизни влюбился.

Я прикрываю глаза. Конечно. Именно этого я и боялся.

— Не торопись.

— Почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.